

НАША СТРАНА

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY

Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ
"NUESTRO PAIS"

SEMENARIO MONARQUICO RUSO
Registro Nacional de Propiedad Intelectual Nº 523.142

Correo
Central B.
Argentina

FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO X Buenos Aires, Jueves, 12 de diciembre de 1957

Буэнос Айрес, четверг, 12-ое декабря 1957 года № 412

Др. А. К.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Современная демократия предстает нам в двух ее основных аспектах: политическом и идеологическом. В первом ее аспекте демократия принадлежит к категории современных политических реальностей — это есть система государственного управления, распространенная в той или иной степени на обоих полушариях. Западное полушарие, вышедшее на историческую и политическую арену сравнительно совсем недавно, являет пример повсеместного распространения демократического строя.

Можно выразиться и так, что западное полушарие государственно и политически родилось совместно с демократией и демократическая система для обеих Америк является как бы системой органической (за исключением короткого монархического периода в некоторых южно-американских странах).

Что касается второго аспекта демократии, т. е. идеологического, то необходимо сразу же установить, что демократия, хотя и исходит из сравнительно короткого периода своего политического и государственного бытия, тем не менее, строя свои идеологические исходные позиции, привносит в них, со свойственным всякой молодости жаром, акцент абсолютности и непогрешимости, и ее идеологическая напористость обращается подчас в самую очевидную воинственность и нетерпимость.

Эта идеологическая воинственность идет параллельно процессу ее ослабления, как политической системы и, чем глубже кризис, захватывающий ныне демократическую систему, тем эта нетерпимость и воинственность сильнее. Не мудрено, что процесс ослабления политической системы демократии наблюдается в первую очередь в Европе, которая пережила целый ряд глубинных духовно-политических и государственных кризисов, наступивших непосредственно при самом рождении демократической системы, или же в процессе дальнейшего ее становления в тех или иных европейских государствах. И если этот процесс не признается самими демократами или же признается частично, мы его, тем не менее, наблюдаем повсеместно в Европе. Демократы говорят о кризисе внутри системы, наступившем отчасти вследствие того, что современная демократия "недооценила феномен силы"... Нужно ли говорить, что этот "феномен силы" был недооценен при самом рождении на свет Божий демократической системы? Не в применении ли грубой революционной силы и оголтелого разрушения "старого" мира родилась демократическая система? И разве этот "феномен силы" не проявляется и поныне, сохранившись по отношению других политических систем в современной и нам нетерпимости и воинственности? Потому мы и говорим, что в идеологическом аспекте демократия подчас предстает нам не просто, как политическая система, но как система воинствующая, с пристрастием из этой воинственности совершенно очевидной фанатичной, сектантской нетерпимостью.

В нашем русском случае мы и видим, как в этой точке соприкасаются современные демократические системы "Запада" и "Востока", и их антагонизм подчас уходит корнями не в идеологические разности, а в геополитические и, отчасти, традиционно антироссийские. Отсюда и происходят те непреодолимые препятствия, о которые мы

ежечасно и разбиваем лбы на путях к нашему государственному и духовно-национальному возрождению. Здесь же и источник двусмысленности и неполноценности "антикоммунизма" свободного мира. И на конкретном примере "восточной" политики лидера свободного мира САСШ, мы и видим, что политика эта "антикоммунистическая" по форме, сплошь да рядом — антироссийская по содержанию. И похоже на то, что она антикоммунистическая по существу никогда и не была, а если и была, то лишь постольку, поскольку эта антироссийская сущность ее совпадала с антикоммунистической формой.

В свете этого мы и говорим о "непонимании", которое по существу является легендой, ибо, если это непонимание, действительно, налицо, то нужно удивляться твердолобости современных политических лидеров. Здесь же по существу и все наши главные расхождения, принимающие подчас нежелательные и весьма острые формы в нашей односторонней "полемике" (при великодушном молчании наших демократических оппонентов...), которые противной стороной истолковываются как органическое непонимание нами современного мирового процесса, а нами — как обиды за такое же органическое и упорное непонимание нас.

В этом же свете ставим мы и вопрос пресловутого "империализма": кто "империалист", а кто нет? Теперь этот вопрос особенно уместен, ибо слово "русский империализм" пестрит жирными заголовками на всех страницах мировой печати и является основным рычагом политики свободного мира.

Анеурин Беван, шеф левого крыла британской лейбористской партии, в опубликованной им статье в октябрьском номере "Форин Афферс", со всей горечью предъявляет САСШ совершенно недвусмысленное обвинение в империализме, выражающемся прежде всего в стремлении САСШ вытеснить Англию и Францию со всех их экономических и политических позиций на Среднем Востоке и в Северной Африке. По словам А. Бевана, политические лидеры великой заокеанской демократии формулируют это, как "заполнение образовавшегося вакуума"... Здесь мы должны оговориться, что нас удивляет совпадение наших мыслей с таковыми г-на А. Бевана и, не вдаваясь в толкование лукавой формулы "заполнения вакуума", мы, тем не менее, устанавливаем, что кризис на Среднем Востоке, являющийся сейчас центральным мировым событием, становится понятным нам прежде всего в свете насильственного внедрения Израиля в арабизированную Палестину, или как то картинно формулирует Нассер, "в сердце Ислама". И корни этого кризиса следует искать здесь, а отнюдь не в "традиционном русском империализме". И, если отбросить некоторый идеализм, которым ныне полируются все мероприятия политических лидеров САСШ, то надо предположить, что не менее важным двигателем этой политики является и среднеазиатская нефть. Это — основной стержень американской политики на Среднем Востоке (Вильсон-Бальфур, Рузвельт-Черчилль), и кризис этот предопределен уже давно, так же, как и другие аспекты этой далеко идущей и давно предпринятой политики. Сюда относятся и отсюда же и происходят и поверженная в прах Россия, и полуразрушенная Европа, и "мир без контрибуций и аннексий", и остракизм каких бы то ни было национальных уст-

ремлений, каков нынче, например, случай с Национальной Испанией, национальной российской эмиграцией, Национальным Китаем — и пр. и пр. и пр., всемерно подавляемыми, шельмуемыми и высмеиваемыми на всех страницах мировой печати.

Современный СССР и его значение становится понятным в свете действия этой мировой системы подавления: СССР основной рычаг этого механизма. Вот откуда панический страх лидеров воинствующей демократии не перед коммунизмом, а перед Национальной Россией, возрождение которой будет означать новую эпоху в истории мира.

Демократия в воинствующем ее аспекте, есть нечто совершенно реальное и — при всей ее напористости, при всей ее динамике по разрушению "старого" мира и его ценностей иерархии — весьма тупое. Иное дело, является ли эта тупость чем-то неотъемлемым от самой системы, или же только тактикой. И есть ли какая-нибудь малейшая возможность разговаривать с этими джентльменами языком беспристрастной истории и какой-то элементарной логики? Нужно ли кому-либо доказывать, что российский освободительный процесс шел параллельно, даже значительно его опережая, с общемировым процессом? Была ли Европа половиной XIX века в достаточной мере свободна от тех или иных форм закрепощения, чтобы можно было говорить тогда о "рабстве" в России? Да свободна ли она и ныне от тех или иных фикций, легших в основание современных "передовых", общественно-политических систем? И разве можно говорить о процессе закрепощения в России отдельно от общемирового процесса, который всегда был, есть и будет, который никогда не приостанавливался, в той или иной форме, и который наличествует и ныне. И разве вырванная "победа" нашей радикальной интеллигенции в Феврале 1917 года не прервала нормальное течение российского процесса и не отбросила Россию назад в татарское иго, и, тем самым, запутала и еще более затормозила и общемировой процесс?

Разве мы будем отрицать, что этот процесс в России (как и во всем мире) шел легко, без сучка и без задоринки, да и могло ли быть иначе? Разве революционная Франция середины XIX века не создала великую колониальную империю, которая теперь вот располагается по всем швам; разве конституционная Англия не поработила полмира; разве Джордж Вашингтон не торговал рабами, и не он ли и же с ним поголовно истребили "национальные меньшинства" в Америке, в лице коренных насельников американского континента — индейцев? И разве европейский, а потом и американский, процессы закрепощения не были во сто крат кровавее, чем одновременный и параллельный им таковой же российский процесс?

Полагаем, что это суть общезвестные исторические факты, и если мы снова и снова возвращаемся к ним, то только лишь с той целью, чтобы о них всегда помнить, и не забывать.

Когда мы говорим о нашем национальном процессе и нашей "самобытности", — то этим мы не отгораживаемся от общеевропейского культурно-исторического процесса. Российским людям несвойственен, мы бы сказали, провинциализм; наоборот, русский человек стремился всегда к всемирности и правде во всех ее проявлениях.

Наше бегство в самобытность (а оно продолжается и поныне) начало обозначаться по мере того, как отдельные западные концепции, будь то философские или политические, ворвались на-

В НОМЕРЕ:

Др. А. К.
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

М. М. Спасовский
К ПОЗНАНИЮ РОССИИ

Михаил Бойков
ЭТО БЫЛО НА ВЫСТАВКЕ

Г. Месняев
ЗАСТАРЕЛАЯ НЕПРАВДА

В. Темников
ОТВЕТ "МОЛОДОМУ ЭМИГРАНТУ"

Вс. Дубровский
"КАКОЮ ДОЛЖНА БЫТЬ
НОВАЯ РОССИЯ"

сильственно в наш российский процесс. Это насильственное внедрение имело убийственные последствия, ибо этим был пружинчен тот глубинный духовно-политический кризис, который и переживает нынче Россия: революция явилась последним актом этого глубинного кризиса.

Итак, последствия этого внедрения оказались губительными в силу различных моментов, а прежде всего ввиду несоответствия духовной, этнографической и географической стихий Запада и Востока. То, что было здорово "немцу", оказалось смертельно для России. В российском случае полностью выявлена порочность применения универсальных политических формул, и совершенно явственно обозначилась точка преломления моральных и этических задач нашего сумеречного века и их достоверное воплощение: то, что было на бумаге красивыми теориями, превратилось в России в груды человеческих костей.

И естественно, что ввиду всего этого, в какой-то части нашего культурного общества, утверждение нашей самобытности и самостоятельности нашего исторического процесса было мерой защиты от шаблонного применения универсальных формул на нашей почве, имевшее результатом весьма печальные и далеко идущие последствия.

Однако, не только Россию привело это к кризису. Европейская демократия переживает тоже глубинный, а, что самое главное, и неизживаемый в условиях современных политических догм кризис. Кроме всего остального, кризис этот, по убеждению самих же европейских демократов, обязан тому, что современная демократия "недооценила феномен силы". Надо ли говорить, что как фашизм, так и национал-социализм зачались во чреве советского большевизма? Порожденная когда-то Европой марксистская хворь трясет ее и поныне лютой лихорадкой. Хворь эта держит Россию вот уже сорок лет. Против этой европейской хвори, Русский народ не обнаружил в себе достаточного иммунитета, и в отличие от Европы, хворь эта в России приняла форму страшной эпидемии. Российский организм оказался неподготовленным и не нашел в себе сил выработать в достаточной мере защитительные реакции. И это, отчасти, также подтверждает нам единство исторического российско-европейского процесса. И мы с каждым днем все более и более убеждаемся в том, что Россия не только часть Европы, но часть неотъемлемая: без Европы неммыслима Россия, так же, как без России неммыслима Европа. Возрождение Европы и возвращение ее своего лица мыслимо лишь с восстановлением российской ее органической части в ее историческом и духовном аспекте. И напра-

